

К. М. БЭР, А. А. ШИФНЕР

собрании доисторических древностей в России для этнографического музея

Публикация подготовлена
к.ф.н. Н. П. КОПАНЕВОЙ
и А. Н. КОПАНЕВОЙ
(Санкт-Петербург)

К. М. Бэръ.

В 1862 г. в «Записках Академии наук» была опубликована статья «О Собрании доисторических древностей в России для этнографического музея» (1862. Т. 1. Кн. 1. С. 115–123). Ее авторами были два петербургских академика, К. М. Бэр и А. А. Шифнер. Бэр с 1842 г. возглавлял Анатомический кабинет, преобразованный позднее в Анатомический музей. Коллекции кабинета Бэр разделил на три части: анатомическую, тератологическую и антропологическую. Большое внимание ученый уделял краниологии, присовокупляя к исследованиям по антропологии изучение ранней трудовой деятельности человека. В музее были сосредоточены и ценнейшие археологические находки: орудия труда, амулеты, украшения.

Соавтор Бэра, А. А. Шифнер, возглавлял Этнографический музей. В 1861 г. ученые выступили на Общем собрании Академии наук с идеей создания объединенного академического музея, посвященного антропологии, археологии и этнографии. Этому же была посвящена и вышеупомянутая статья, которая, как нам кажется, будет интересна и современным читателям.

Карл Максимович БЭР (1792—1876) — ординарный академик (1828), вторично ординарный академик (1834—1862), почетный член с правом присутствия и голоса в заседаниях Академии наук (1862)

Рисунки из книги И. Ворсо «Северные древности Королевского музея в Копенгагене...», изданной Императорской Академией наук в 1861 г. со вступительной статьей К. Бэра и А. Шифнера

Только народы совершенно грубые бывают равнодушны к своему прошедшему; забота о существовании подавляет у них все другие интересы. Но чем высшую степень образованности занимает народ, тем больше он принимает участия в исследовании своей старины. С целым народом происходит то же самое, что с каждым человеком по рознь, который под старость охотно вспоминает про свою молодость и любит слушать об ней от других. Но как отдельный человек вполне понимает самого себя, лишь начиная с того времени, когда в нем самосознание и память достигли полного развития, а обо всем, касающемся его раннего детства, получает только отрывочные сведения от родственников или лиц, которые старше его летами и бывали в его родительском доме, точно так же полная история народа начинается лишь с того времени, когда он сам в состоянии записывать достопримечательные события; о предшествовавшем тому грубейшем состоянии он узнает из отрывочных показаний других народов, имевших с ним сношения, опередивших его в умственном развитии и обладавших искусством сохранять посредством письмен воспоминания о событиях, известных им по собственному опыту или по слухам.

Итак, достоверная история зависит от знания письмен, и если у какого-либо народа нет письменности и если в то же время она неизвестна его соседям, то у него и не может быть истории; не было бы даже никаких сведений

о пре-
жнем
быте та-
ких народов,
если бы не на-
шлись свидетельс-
тва другого рода.

Но самая письменность есть изобретение относительно новейшее, изобретение весьма медленно усовершенствовавшееся, не успевшее потому сохранить памяти в своем происхождении. Из сохранившихся данных можно впрочем по крайней мере с некоторою достоверностью проследить постепенный ход ее развития. Израильтяне, при выходе из Египта, уже умели писать, а Греки и другие европейские народы, как сами сознаются, переняли это искусство не прямо от Израильтян, а от родственных им семитических племен. Но сами ли эти народы первоначально изобрели письмена? Кажется, нет: они, без сомнения, подражали только Египтянам. На памятниках египетского зодчества уже в раннее время стали изображать предметы, которым приписывалось высшее значение, и таким образом Египтяне естественно были наведены на мысль употреблять изображения предметов вместо тех звуков, с которых начинались их названия. От этих начал, без сомнения, возникло фонетическое письмо древних Египтян, которое Израильтяне приноровили к своему языку. Подобным образом, хотя и совершенно самостоятельно, кажется, и знаменательное письмо Китайцев основано на изображении предметов, которое, постепенно сокращаясь, приняло значение символическое. Дальнейшее исследование этого предмета сюда не относится. Мы хотели только указать на то, что исторические преда-

ния могут основываться и на других показаниях, кроме письменных, хотя, конечно, эти последние останутся менее полными, удовлетворительными и говорят лишь в общих чертах.

Пирамиды древних Египтян и их громадные постройки относятся ко временам, далеко предшествовавшим письменности. В изображениях и изваяниях, которыми они украшены, нам представляются первые начала письменности, которая, конечно, сама не могла сохранить известия о собственном своем происхождении и развитии. А в тех странах, где нет таких громадных строений и изваяний, неужели люди исчезли без всяких следов? Или не найдутся ли и там, при внимательном исследовании, указания, бросающие свет на древнейшее население? Действительно, долго господствовало мнение, что нельзя знать ничего достоверного о быте и состоянии человечества, предшествовавшем изобретению письмен, именно относительно населения северной Европы, куда письменность была перенесена очень поздно. По состоянию необразованных племен, встречающихся в различных частях земного шара и не вступавших еще в сношения с просвещенными народами, ныне пользующимися всеми преимуществами образованности и искусств, догадывались только, что древнейшее население северной Европы находилось

в таком же грубом невежестве. Справедливость этой догадки подтвердилась случайными находками вещей, зарытых в земле и найденных в различных частях Европы. Находили могилы, содержавшие в себе оружие, украшения и другого рода изделия из сплава меди с другим металлом, но не оказалось никаких следов железных изделий. Из этого наблюдения заключали, что предметы эти относятся к такому периоду, когда обработка железа была еще неизвестна, подобно тому, как железное производство было неизвестно во всей Америке во время ее открытия Колумбом, хотя во многих частях этого материка обрабатывались медь и золото. В других могилах были найдены лишь орудия, выделанные из камня, костей и (оленьих) рогов; точно так же употребление металлов вообще было неизвестно диким племенам, занимавшим внутреннюю Бразилию, Новую Гвинею, Новую Голландию, и большей части племен, населявших острова Тихого океана, до самого прибытия Европейцев. Известно, за какую высокую цену туземцы выменивали еще у знаменитого Кука железный топор или даже гвоздь.

Но все эти находки могли повести лишь к разрозненным, бессвязным догадкам; систематическое изучение первобытного состояния европейских народов началось лишь с тех пор, как накопилось множество находок из доисторических времен в определенных местах и когда ученые, не довольствуясь одним сбережением найденных предметов, стали исследовать и отмечать все обстоятельства, сопровождавшие само нахождение. Только тогда явилась возможность различить виды могил и решить, что они принадлежат различным народам, сменявшим друг друга; это доказывается уже разнообразными формами найденных черепов. Теперь лишь сделалось возможным приступить к следующим вопросам: какими средствами поддерживали свое существование первые жители Европы и именно северной? Когда и среди какой обстановки довольствовался человеческий род одними произведениями природы и когда познакомился он со скотоводством и земледелием? Какие народы изобрели искусство обработки металлов, плавящихся при не очень высокой температуре, и которые из этих народов первые познакомились с железом? Понятно, что все эти вопросы можно решать только

очень медленно: единственными свидетелями этого отдаленного времени остались немые предметы; известия, передаваемые ими, скудны и отрывочны, так как из них сохранились лишь те, которые отличаются особенной твердостью; все остальное разрушено временем. Нигде эти исследования не нашли такого сочувствия, как в Дании и Швеции, а вслед за ними в Мекленбурге. В Копенгагене мало-помалу образовался огромный музей туземных древностей, благодаря стараниям начальника его, конференц-советника Томсена, и участию почти всего образованного сословия. Проходя по многочисленным залам этого музея, где сберегаются все

возможные орудия и остатки домашней утвари, начиная с древнейших времен и оканчивая художественными произведениями средневекового искусства, посетитель невольно переносится в другие, давно прошедшие века и в несколько часов как будто переживает всю историю этих стран. В Дании и Швеции ученые убедились, что доисторическое время распадается на три главных периода — на каменный, бронзовый и железный век. Первый из них назван каменным на том основании, что в течение его все орудия делались из камня, кости и оленьего рога и дополнялись лишь деревом, мочалом или ремнем. Орудия бронзового века изготовлялись из металлов, легко плавящихся, а именно из золота, которое впрочем всегда было редко и дорого, и из меди с примесью других металлов; в Дании эта примесь состояла из олова (что и составляет собственно бронзу), в других странах из цинка. В 3-м периоде главную роль играет железо, которое, благодаря твердости, скоро заменило бронзу в изготовлении оружия, ножей, топоров и тому подобных предметов. Эти три периода, принятые уже четверть столетия тому назад, признаются и донныне, хотя ученые впоследствии убедились, что нельзя провести между ними резкой черты, как полагали прежде; естественно, что металлы были в первое время редки и дороги, а потому не могли сразу изгнать каменных изделий. Этого мало: самые эти периоды пришлось подразделить на другие, более частные периоды; так например доказано, что точеные каменные орудия стали употреблять гораздо позже грубых кремневых осколков, представляющих самый первобытный вид каменного орудия. Но откуда появилось искусство обрабатывать различные металлы? Кем и откуда вывезены разнообразные породы хлебных растений и домашние животные? — вот задачи, пока еще не тронутые, или, по крайней мере, не решенные. Осторожные Датчане и Шведы приписывают эти успехи общежития не первым жителям своих стран, а позднейшим пришельцам. Филология и история доказали, что вышеназванные образовательные элементы перенесены сюда из Азии; то же самое подтверждается и находками, добытыми в могилах. Но откуда именно и каким образом происходили эти переселения — это

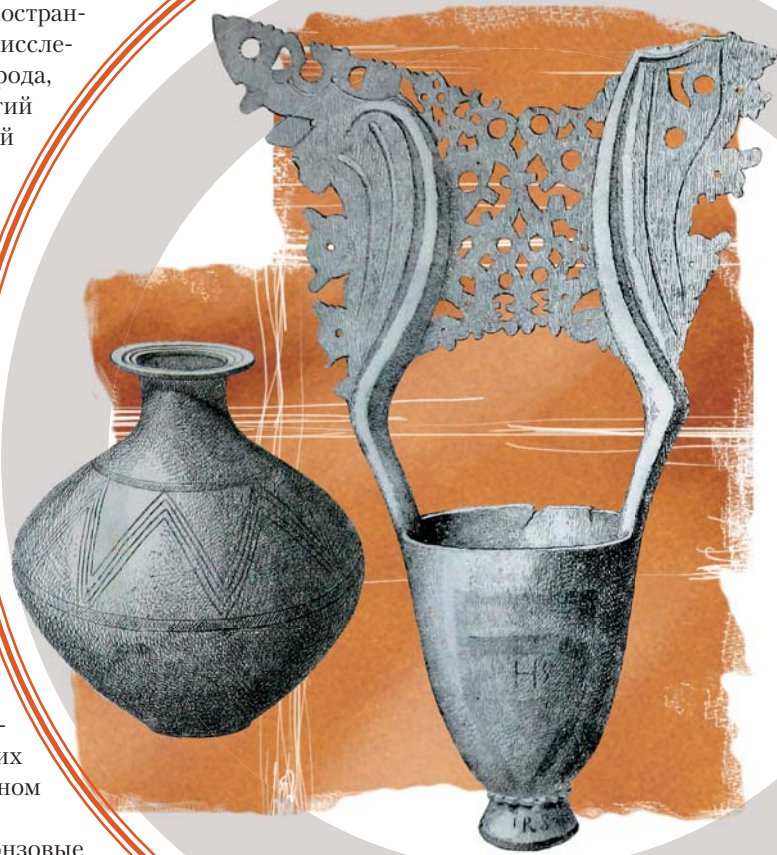
вопросы, которые можно будет разяснить только тогда, когда и другие страны примутся за такие же усердные исследования остатков своей старины, как это сделал скандинавский север.

И действительно, в некоторых странах ученые уже приступили к исследованию этих задач, в особенности в Великобритании, Швейцарии, Франции и Германии. Самое решение этих вопросов может быть найдено единственно в странах, лежащих между Азией и западной Европой — именно в России. Что касается России, то у нас со времен Карамзина ревностно занимаются той частью отечественной истории, которая основывается на письменных памятниках; но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляет еще сырой неразработанный материал. Разрывались у нас курганы, писались об них всевозможные отчеты; но дело в том, что, во-первых, все эти отчеты не подведены под общие точки зрения, а во-вторых, нет общего и достаточно обширного собрания всех родов найденных доисторических предметов. Такие предметы, если они не состоят из благородных металлов, часто даже и не сберегаются или по крайней мере не вносятся в общее собрание. У нас даже не решено, как называть те или другие предметы. Между тем все те из иностранных ученых, которые серьезно интересуются исследованием древнейшей истории человеческого рода, ждут с нетерпением возможно полных известий из России, послужившей переходной станцией для древнейших образовательных начал. Достаточно одного беглого взгляда на карту, чтобы убедиться, что этим переселениям из Азии в Европу оставалось на выбор только два пути: морской — через Греческий архипелаг или Геллеспонт, и сухопутный — через широкую русскую равнину. Высказанное нами подтверждается и примерами. Достаточно следующего: у нас уже давно заметили, что в так называемых чудских копях или чудских могилах в Сибири сохранились металлические изделия значительной древности; связь их с введением металлического производства в западной Европе и самое время разработки этих копей можно будет определить только тогда, когда составятся полные и правильные собрания таких находок, с достоверными и полными сведениями о месте нахождения. Приведем еще пример, доказывающий, каким подспорьем для западноевропейских изысканий могут быть наблюдения на обширном пространстве нашего отечества.

В кельтских могилах часто попадаются бронзовые орудия, имеющие форму очень маленькой лопатки; много было различных толков о ее употреблении. Это загадочное орудие, названное учеными кельтом,

встречается и в чудских могилах; но сделанное не из бронзы, а из кововой меди. Теперь мы узнаем от нашего усердного путешественника, г. Раде, что в восточной Сибири еще до сих пор это орудие употребляется для выкапывания сараны. Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим. Но затронется и разовьется интерес и чисто национальный, если мы узнаем результаты всего того, что сделано на этом поприще другими народами, и если облегчится классификация и номенклатура древностей, находимых в нашем отечестве.

Поэтому Академия почла за нужное пустить в продажу по дешевой цене русский перевод датского сочинения знаменитого археолога Ворсо (Северные Древности Королевского Музея в Копенгагене, вы-
б р а н н ы е
и объяс-

ненные профессором Копенгагенского университета И. А. Ворсо. СПб. 1861; 662 рисунка), в котором изображены и названы важнейшие формы предметов, находящихся в Копенгагенском Музее северных древностей. Тут можно найти отчетливое изображение более шестисот предметов. Сначала Академия думала было издать только ту часть этого сочинения, в которой заключается языческий и начинается христианский средневековый период, на том основании, что искусство проникло в Скандинавию вместе с христианством из Рима, в Россию же из Византии, отчего оно и получило у нас другие формы. Но так как издатель датского сочинения уступил Академии весь остаток заготовленных им оттисков за такую цену, за которую у нас нельзя было бы нарисовать и отпечатать и половины, то, наконец, было решено издать вполне все сочинение. Конечно, покупателям будет приятно иметь полное сочинение о северных древностях Копенгагенского Музея, хотя последняя треть его и не найдет в России такого применения, как первые две.

Академия сделала еще более. Она отправила в прошедшем году в Швецию и Данию хранителя своего Этнографического Музея Л.Ф. Радлова, который усердно следит за этим предметом. Там он, при помощи гг. Томсена и Ворсо, изучил северные древности, прилежно также занялся северными языками, в особенности датским, для того, чтобы иметь возможность ознакомиться с многочисленными специальными трудами, появившимися в этих странах в разных видах и в разное время. Можно надеяться, что со временем он сделает доступными русской публике главнейшие из этих трудов в виде общих обзоров.

Этнографический Музей Академии уже имеет довольно значительное собрание доисторических древностей, добытых частью в Скандинавии, частью же в разных местах России. Конечно желательно, чтобы правительство учредило общий государственный музей для древностей, находимых в России, наподобие Копенгагенского, Стокгольмского, Берлинского и Шверинского. Мы имеем даже некоторые причины надеяться на осуществление этого плана. Но до тех пор, пока для предметов этого рода нет общего сборного места, надобно

опасаться, чтобы они окончательно не рассеялись по разным местам. В таком рассеянном виде эти предметы не могут приносить желаемой пользы, особенно если неизвестны место и образ их нахождения, что более всего необходимо.

Потому Академия предлагает для хранения таких предметов свой Этнографический Музей, не смотря на ограниченность его помещений. Во главе его стоит дельный и опытный хранитель. Если же владельцы и обретатели подобных древностей почтут за лучшее передавать их в собрание Географического, Археологического или других обществ, то Академия может лишь объявить, что она вполне довольна. Академия, делая вышеприведенное предложение, не думает о собственном обогащении; напротив, она охотно передала бы общему государственному музею и весь свой этнографический музей, в котором сохраняются домашняя утварь, разного рода орудия, одежда и произведения искусства различных народов, живущих в России, предметы, из которых многие получают в скором времени историческое значение и сделаются редкостями. Но Академии дорога отечественная археология, ей дорога и научная честь русского государства, и потому ей было бы очень жаль, если бы древности, о которых шла речь на вышеприведенных страницах и которые изображены в предлагаемом сочинении Ворсо, сохранялись любителями без письменных показаний о местности и обстоятельствах, сопровождавших их нахождение. По смерти первых владельцев обыкновенно никто не знает, откуда эти предметы; они нисходят на степень детских игрушек и теряются. Снова найденные, они уже не имеют прежнего значения: их свидетельства недостоверны, иногда ложны.